

Системная политика как фактор формирования антикоррупционного климата в современном российском обществе

Е. Г. Мельников, В. П. Милецкий[✉], С. Д. Савин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[✉]falesm@mail.ru

Введение. В статье на основе системно-социологической методологии рассматривается содержание антикоррупционной политики в современном российском обществе как системного образования. Несмотря на комплексный характер предпринимаемых властями мер по противодействию коррупции, последняя воспринимается общественным мнением как высокая. В результате это антисоциальное явление, по мнению россиян, в последние годы входит в число пяти самых острых проблем в нашей стране.

Методология и источники. Социологические опросы, включая представленные авторами собственные исследования, свидетельствуют о системном поражении коррупцией целого ряда важных сфер общественной жизни, включая правоохранительные органы, органы власти и управления, медицинскую сферу и др. В контексте рассмотренных в работе социальных детерминантов коррупции предпринимается попытка выявить ключевые институциональные факторы формирования антикоррупционного климата в условиях современных трансформаций.

Результаты и обсуждение. Отмечается, что в современной России необходимо формировать антикоррупционный климат при активном использовании как советского, так и зарубежного опыта. Особого внимания заслуживают изучение и перенос на нашу почву современного китайского опыта. При этом специально акцентируется внимание на выводе, что ключевую роль в формировании антикоррупционного климата играет утверждение релевантного российским условиям антикоррупционного юридического климата, предусматривающего организацию исполнения всей совокупности норм позитивного права социальными субъектами и институтами правовой сферы, включающего такие компоненты механизма правового регулирования, как юридически значимая деятельность и другие практики правоприменения.

Заключение. Все это в единстве должно создать реальные возможности и условия, обеспечивающие воспроизводство и совершенствование антикоррупционного климата на всех уровнях властной иерархии и в разных сферах общества, включая бизнес, а также формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов поведения и развитие соответствующего правосознания и правовой культуры.

Ключевые слова: коррупция, антикоррупционная политика, социальные детерминанты коррупции, институциональные факторы формирования антикоррупционного климата, антикоррупционный юридический климат, антикоррупционные стандарты поведения.

Для цитирования: Мельников Е. Г., Милецкий В. П., Савин С. Д. Системная политика как фактор формирования антикоррупционного климата в современном российском обществе // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 6. С. 72–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-72-90

© Мельников Е. Г., Милецкий В. П., Савин С. Д., 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 18.10.2019; принята после рецензирования 05.11.2019; опубликована онлайн 25.12.2019

Systemic Policy as a Factor in the Formation of an Anti-Corruption Climate in Modern Russian Society

Evgenii G. Melnikov, Vladimir P. Miletskiy✉, Sergey D. Savin

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉falesm@mail.ru

Introduction. Based on the systemic sociological methodology, the paper discusses the content of the anti-corruption policy in modern Russian society as a systemic education. Despite the complex nature of the measures taken by the authorities to combat corruption, the latter is perceived by public opinion as high. As a result, this antisocial phenomenon, according to Russians, has been included in the rating of the five most acute problems in our country in recent years.

Methodology and sources. Opinion polls, including the authors' own studies, show a systematic damage by corruption in a number of important areas of public life, including law enforcement agencies, government bodies, the medical sector, etc. In the context of the social determinants of corruption examined in this work, an attempt is made to identify key institutional factors of the state anti-corruption policy on the formation of an anti-corruption climate in the context of modern transformations.

Results and discussion. It is noted that in modern Russia it is necessary to form an anti-corruption climate with the active use of both Soviet and foreign experience. The study and transfer of modern Chinese experience to our soil deserves special attention. At the same time, the conclusion that the key role in the formation of the anti-corruption climate is played by the approval of the anti-corruption legal climate relevant to the Russian conditions, which provides for the organization of the implementation of the entire set of positive law norms by social entities and legal institutions, including such components of the legal regulation mechanism as legally significant activity and other law enforcement practices.

Conclusion. All this in unity should create real opportunities and conditions that ensure the reproduction and improvement of the anti-corruption climate at all levels of the power hierarchy and spheres of society, including business, as well as the formation of anti-corruption behavior of state and municipal employees, the popularization of anti-corruption standards of behavior in society and development of the corresponding legal consciousness and legal culture.

Key words: corruption, anti-corruption policy, social determinants of corruption, institutional factors in the formation of an anti-corruption climate, anti-corruption legal climate, anti-corruption standards of conduct.

For citation: Melnikov E. G., Miletskiy V. P., Savin S. D. Systemic Policy as a Factors in the Formation of an Anti-Corruption Climate in Modern Russian Society. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 6, pp. 72–90. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-6-72-90 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 18.10.2019; adopted after review 05.11.2019; published online 25.12.2019

Введение. Противодействие коррупции как системная задача государственной политики актуально во всем мире. Даже в таких европейских странах, как Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия, Швейцария, где коррупция имеет минимальные показатели, усиливающиеся

процессы изменения социальной структуры в результате миграции, процессов бюрократизации и замедление экономического роста выступают угрозой развития коррупционных практик. И хотя рейтинги Transparency International (ТИ) ставят эти страны на первые места в списках чистых от коррупции стран, сами же представители этой организации подчеркивают, что речь идет о восприятии коррупции населением и бизнесом, прежде всего, в государственном секторе, а не о реальном положении дел с этим скрытым социальным явлением. Так, в Швейцарии за последние годы в банковской сфере произошел целый ряд крупных скандалов, связанных с отмыванием денег, недобросовестной конкуренцией в коммерческой сфере и даже серьезными нарушениями в сфере госзакупок, что, по словам руководителя швейцарского отделения ТИ Мартина Хитли, представляет лишь «вершину айсберга». В то время как о распространенности других случаев общество даже не догадывается [1]. Естественно, что как скрытое асоциальное явление коррупция в той или иной форме есть везде. Другой вопрос касается масштабов распространенности этого явления, степени системной угрозы поражения коррупционными практиками общественных институтов.

Как правило, степень распространения коррупции в обществе напрямую связана с уровнем и характером социального неравенства, многообразием проявлений социальной несправедливости в распределении ресурсов. Так, как мы видели выше в рейтинге восприятия коррупции ТИ, в наименьшей степени она распространена в тех странах, которые принято называть социально-правовыми государствами, а также в тех странах, где в значительной степени защищены права человека. А к самым коррумпированным странам относятся развивающиеся страны с авторитарными режимами, в которых выраженное социальное неравенство и диспропорции в уровне жизни и экономического развития скрываются за фасадом жесткой модели централизованного государственного управления. В этих системах сами политические, экономические и социальные институты пронизаны отношениями неравенства и коррупции, связаны с деформацией правовых и этических норм и принципов деятельности в организациях. К таким системам в известной мере имеет отношение и современная Россия, в которой все еще не удалось искоренить полученный по наследству от «лихих девяностых» криминально-олигархический капитализм, при котором коррупция превратилась в системную угрозу для развития общества. Более того, в условиях социально-экономической нестабильности политические силы все чаще формулируют требования борьбы с коррупцией в качестве важнейшей задачи реформирования российского общества.

Как известно, коррупция в современной России без преувеличения уже давно превратилась в угрозу для существования и дальнейшего развития всей страны. Неудивительно поэтому, что усилению противодействия этому опасному явлению российские власти в последнее время уделяют все возрастающее внимание. Настоящая системная антикоррупционная политика в России начала осуществляться после введения в действие Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции», вступившего в силу 10 января 2009 г. [2]. В развитие этого нормативного правового акта в дальнейшем был издан Федеральный закон «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов» (17 июля 2009 г.). Тогда же, в 2008 г., был создан Совет при Президенте РФ по противодействию коррупции, а в 2013 г. в структуре Администрации президента России было учреждено и начало действовать Управление по противодействию коррупции. Принятые системные меры позволили, по крайней мере, остановить рост коррупции, а в ряде случаев

снизить распространение коррупционных практик на нижнем и среднем уровне государственного управления и в государственных учреждениях.

В развитие процессов институционального сопровождения антикоррупционной политики 29 июня 2018 г. Президент РФ В. В. Путин подписал Указ № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции в 2018–2020 годы», предусматривающий и совершенствование системы запретов, ограничений и требований, установленных в целях противодействия коррупции, и обеспечение единообразного применения законодательства Российской Федерации о противодействии коррупции в целях повышения эффективности механизмов предотвращения и урегулирования конфликта интересов, и совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд и в сфере закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, и повышение эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на формирование антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов поведения и развитие общественного правосознания и др. [3]. Следует особо подчеркнуть, что в соответствии с Национальным планом вышло Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации», согласно которому мониторинг социальных условий «бытовой» и «деловой» коррупции будет иметь системное содержание во всех российских регионах [4].

Особое место в плане отводится мероприятиям по приданию системного характера антикоррупционной политике на всех уровнях властной иерархии, составной частью которой призваны стать меры по активному формированию в нашей стране антикоррупционного климата. В этом отношении уместно напомнить, что о содержании и особенностях антикоррупционной политики обстоятельно сказано, например, в докладе «Мировой опыт борьбы с коррупцией и российские реалии», представленном 6 марта 2018 г. Центром политической информации под руководством А. А. Мухина. В докладе утверждается, что именно в последнее время правоохранительные органы и спецслужбы начали системную борьбу с коррупцией в России [5]. Изложенным обуславливается актуальность темы настоящей статьи и определяется ее основная цель: изучение содержания современной антикоррупционной политики и выявление ключевых институциональных факторов формирования антикоррупционного климата в политико-правовой сфере российского общества.

По данным мониторинга британской аудиторской компании Ernst&Young, в 2017 г. отмечены некоторые положительные изменения, произошедшие в антикоррупционной политике России за последние годы. В отчетах E&Y отмечается, что коррупционные риски в России, начиная с 2011 г., заметно снизились. Причем по некоторым параметрам стали даже ниже среднемировых [6]. Однако насколько уместно говорить о результатах антикоррупционной политики в российском обществе не касательно отдельных мероприятий и уголовных дел, а в отношении минимизации или сокращения самих системных условий воспроизводства коррупции и формирования антикоррупционной культуры, вопрос открытый. По общему мнению, включая данные различных исследовательских центров, Россия относится к странам с невысоким уровнем антикоррупционного климата. В этом отношении системный анализ коррупции как социального феномена требует не только исследова-

ний различных аспектов проявления коррупции и противодействия этому антисоциальному явлению на уровне государственной политики, но и изучения ее восприятия в массовом сознании общества [7–19]. Исследования отражения проводимой антикоррупционной политики и оценок ее действенности в сознании граждан и общественного мнения в целом позволяют не только выработать более эффективную стратегию борьбы с коррупцией, но также более активно и последовательно создавать в обществе антикоррупционный климат, который, по нашему мнению, предусматривает формирование в общественном сознании установок, ценностей и норм, обуславливающих соответствующий настрой и поведение людей – нетерпимость к коррупционным проявлениям, и становление соответствующей организационной и профессиональной культуры во всех сферах деятельности. Для современного российского общества эти задачи в высокой степени актуальны, поскольку для него характерны указанные выше проблемы, определяющие работу социальных институтов и влияющие на деловую репутацию компаний и доверие к органам власти и управления.

Методология и источники. Существующее положение в области антикоррупционной политики не в последнюю очередь объясняется недостаточной системно-социологической разработанностью проблематики, связанной с социальными детерминантами воспроизводства и живучести коррупции в современном российском обществе. Коррупция как комплексное антисоциальное явление исследуется с позиций различных научных подходов и затрагивает предметную сферу всех общественных наук. По данным статистики и научных публикаций по проблемам коррупции, индексируемых в международных научных базах данных, лидирует по количеству публикаций экономическая проблематика коррупционных издержек, далее следуют социально-политические и правовые исследования, включая криминологию [20–22]. Все большее внимание в последние годы уделяется научному анализу самих методик измерения уровня коррупции [23, 24], а также научному сопровождению мониторинга противодействия коррупции. В современной зарубежной и российской научной литературе представлены и социологические исследования по изучению сфер распространения коррупции [7, 14, 16–19] и проблемам восприятия коррупции общественным сознанием [8, 12, 13, 25]. Большое значение для разработки предложений по совершенствованию антикоррупционной политики и формированию в стране антикоррупционного климата имеют обобщающие работы В. В. Астанина, Ю. Ю. Болдырева, В. П. Воротникова, А. И. Кирпичникова, А. В. Куракина, И. М. Клямкина, А. А. Мухина, Л. М. Тимофеева и др. Но все еще недостаточно серьезных социологических публикаций, раскрывающих роль системности антикоррупционной политики, включая институциональные аспекты формирования антикоррупционного климата в политико-правовой сфере современного российского общества в качестве ключевых факторов противодействия коррупции. Восполнению этого пробела посвящена настоящая статья.

Для достижения поставленной цели в нашей статье используется известная работа С. Хантингтона «Политический порядок в изменяющихся обществах», в которой выявляются исторические закономерности этапов развития общества и выделяется связь институциональных изменений с уровнем коррупции [26]. Коррупция рассматривается Хантингтоном как одно из следствий отсутствия эффективной политической институционализации, что является причиной, по которой в условиях динамичных изменений социальной структуры, появления новых сил, борющихся за распределение ресурсов в обществе при слабости госу-

дарственных институтов, коррупция естественным образом возрастает. Такая ситуация была характерна для России в 1990-е гг. в период начального этапа формирования рыночной экономики и слабости новых механизмов и институтов государственного управления.

Вызывает интерес социологический подход к структурным основаниям коррупции, предложенный Д. Рогозиным, И. Шмерлиной [27]. Авторы утверждают, что коррупция вопреки распространенному мнению представляет собой не иерархично-сетевую структуру организации, а автономно-агрегированную, что позволяет ей проявлять живучесть в любых бюрократических структурах, в том числе и в тех, что направлены на борьбу с самой коррупцией. Коррупция как бы растворяется в процедурных принципах легальных институтов, а коррупционные практики формируются независимо от конкретных коррупционеров и их сетевых связей.

Переходя к более предметному рассмотрению заявленной проблематики, стоит напомнить, что авторы основывались на принципах системно-социологической методологии (Т. Парсонс, Н. Луман и др.) и институциональном подходе к анализу распространения коррупции в различных сферах общественной жизни. Согласно названным методологическим подходам системность всей антикоррупционной политики российского государства выступает главенствующим фактором ее результативности и эффективности мер по всем направлениям ее реализации, включая формирование антикоррупционного климата. Не будет преувеличением полагать, что принцип системности в социологическом смысле слова предусматривает постановку следующих научно-исследовательских задач, попытку решить которые мы предпримем в настоящей статье.

Во-первых, изучение и выявление социальных детерминантов коррупции в России.

Во-вторых, анализ и раскрытие необходимого и достаточного набора всех основных структурных составляющих антикоррупционной политики как системного образования, включая освещение институциональных факторов формирования антикоррупционного климата как в стране в целом, так и в политико-правовой сфере современного российского общества в особенности.

В-третьих, определение специфики и анализ современного состояния антикоррупционного климата в России как совокупности институциональных и социокультурных условий, включая разработку научных рекомендаций по его неуклонному улучшению и приближению к лучшим мировым стандартам.

В-четвертых, изучение, учет и перенос на нашу почву обширного советского и современного международного опыта борьбы с коррупцией и формирования антикоррупционного климата, включая опыт Сингапура, современного Китая и др.

Прежде чем перейти к решению перечисленных исследовательских задач, уместно определиться со спецификой антикоррупционного климата, на формирование которого направлена системная антикоррупционная политика. Выше уже отмечалось, что существенную роль в обеспечении системного характера и эффективности системной антикоррупционной политики играет собственно антикоррупционный климат, представляющий собой относительно новую разновидность социально-психологического климата в обществе, отражающую состояние взаимоотношений и степень удовлетворенности индивидов из разнообразных социальных общностей, групп и коллективов различными условиями своей жизнедеятельности и их доверия друг к другу. В этом отношении антикоррупционный

климат характеризует известную совокупность преимущественно социально-психологических условий и обстоятельств, способствующих или препятствующих формированию на основе общих ценностей и ценностных ориентаций комфортного социально-психологического **настроя на антикоррупционное поведение** у социальных субъектов права в соответствующих коллективах, сообществах, социально-профессиональных группах, учреждениях, органах и институтах политико-правовой сферы в процессе их совместной продуктивной деятельности, обеспечивающего исполнение ими своих социальных ролей и функций по предупреждению или противодействию коррупции.

Такой климат предусматривает, прежде всего, создание комфортного настроения на совместную продуктивную деятельность, включая известное **доверие** и высокую требовательность представителей этих социальных субъектов друг к другу, доброжелательную и деловую критику, свободное выражение собственного мнения при обсуждении всех актуальных вопросов, исключаящее давление руководителей на подчиненных и признание за ними права принимать значимые для всех решения, а также их информированность о состоянии дел и задачах, связанных с решением проблем противодействия коррупции. Поэтому не будет преувеличением говорить о том, что составными частями антикоррупционного климата являются, прежде всего, социальный климат, обусловленный осознанием гражданами и социальными субъектами правовой сферы общества общих целей и задач; морально-этический климат, который определяется господствующими в обществе нравственными ценностями; наконец, подразумевается также социально-психологический микроклимат, характеризующий неофициально складывающиеся отношения между людьми, находящимися в непосредственном контакте друг с другом в решении проблем противодействия коррупции.

В единстве названные составляющие позволяют формировать *антикоррупционный юридический климат как разновидность антикоррупционного климата*, представляющий собой совокупность социально-психологических условий и обстоятельств, способствующих формированию комфортного и конструктивного настроения у социальных субъектов права на юридически значимую деятельность по организации исполнения антикоррупционного законодательства и других мер, обеспечивающих в единстве реальные возможности для формирования и совершенствования антикоррупционного климата на всех уровнях властной иерархии, во всех сферах общества, включая бизнес, антикоррупционное поведение государственных и муниципальных служащих, предусматривающее популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов поведения и развитие соответствующего правосознания и правовой культуры.

Результаты и обсуждение. Сказанное о специфике антикоррупционного климата в целом и своеобразии юридического антикоррупционного климата, в частности, позволяет теперь обратиться к краткому социологическому рассмотрению социальных детерминантов коррупции, которые выступают ее первопричинами, обуславливают воспроизводство и живучесть коррупции, а также, соответственно, препятствуют формированию релевантного российским условиям антикоррупционного климата. Ведь в противодействии коррупции *недостаточно только бороться против ее последствий, но не менее важно активно искоренять ее первоосновы и причины живучести и постоянного воспроизводства* в современном российском обществе.

К 2012 г. проблема коррупции в массовом сознании вошла в лидирующую пятерку главных проблем в обществе для россиян [28]. Это подтверждают и данные всероссийского

опроса, проведенного нами совместно с Центром социологических и Интернет-исследований СПбГУ, согласно которым 25 % опрошенных высказались за то, что борьба с коррупцией сейчас должна быть самой важной задачей российской власти. Простые граждане тоже осознают, что инфляция, разрыв в доходах и углубление социального неравенства так или иначе связаны с коррумпированностью системы. Вместе с тем большинство считают антикоррупционную политику в России неэффективной. В частности, 55,6 % опрошенных отметили, что власти их регионов попросту не заинтересованы в реальной борьбе с коррупцией, хотя многие (48,8 %) считают, что власть может более эффективно бороться с коррупцией при определенных условиях и желании.

По результатам опроса петербуржцев в 2017 г., проведенного нами совместно с Центром социологических и Интернет-исследований СПбГУ, был выявлен рост доли тех, кто считает борьбу с коррупцией первоочередной задачей государства, требующей безотлагательных мер. Следует заметить, что уровень коррупции на уровне центральной власти население оценивает выше, поскольку имеется представление о том, что чем больше ресурсы, тем выше возможности безнаказанного их использования в интересах влиятельных групп и элитных сообществ. Так, если коррупцию в Санкт-Петербурге оценивают как высокую 40,6 % опрошенных, то уровень коррупции в России в целом отмечают как высокий уже 64,4 %. При этом среди них в два раза больше тех, кто считает уровень коррупции в России очень высоким, и практически нет тех, кто бы отметил его как низкий (0,8 %). Большинство опрошенных связывают наиболее распространенную коррупцию с правоохранительными органами – 42,3 %, высшими органами государственной власти – 38,7 %, муниципальными органами власти – 36,8 %, проверяющими и контролирующими государственными организациями – 32,2 %. А сама коррупция, по мнению респондентов, сильно сказывается на уровне жизни населения через, например, рост цен – 60,3 %. Коррупция воспринимается именно как массовое явление, поражающее большинство представителей статусных позиций в органах власти и управления.

По результатам опроса 2018 г., если рассматривать ситуацию с распространенностью коррупции в Санкт-Петербурге за последние три года, она стала заметно лучше – считают 2,4 % опрошенных, стала заметно хуже – 7,1 %, не изменилась – 41,6 %. По-прежнему ее уровень в 2018 г. остается очень высоким – считают 20,3 % респондентов, скорее высоким – 30,0 %, средним – 27,1 %.

Вызывает интерес также вопрос, какие факторы в большей мере оказывают прямое влияние на повышение уровня коррупции? По результатам опроса 2017 г. ответы респондентов распределились следующим образом: низкие зарплаты чиновников и служащих – 9,7 %; недостаточное давление со стороны общественности и СМИ – 13,9 %; общие культурные традиции нашей страны – 18,9 %; другое – 22,2 %; низкий уровень контроля со стороны правоохранительных органов – 23,6 %; высокая бюрократизация – 27,8 %; кумовство и круговая порука коррупционеров – 29,7 %; неработающие или неэффективные законы – 40,7 %; затруднились ответить 12,4 %.

Теперь о возможностях и мерах борьбы с коррупцией. Можно ли вообще ее победить? Вот как отвечали на этот вопрос петербуржцы в 2017 г.: «определенно да» – 19,0 % опрошенных; «скорее да» – 26,6 %; «скорее нет» – 25,4 %; «определенно нет» – 24,7 %; другое – 1,8 %; затруднились ответить 2,5 %.

Какие меры антикоррупционной деятельности признаются респондентами как наиболее эффективные? По результатам опроса, проведенного Центром социологических и интернет-исследований СПбГУ в 2017 г., мнения респондентов распределились следующим образом: проведение митингов протеста и других массовых акций – 9,6 %; осуществление социальной антикоррупционной рекламы – 12,8 %; другое – 12,8 %; антикоррупционная деятельность политических партий и общественных организаций – 19,7 %; просветительская и образовательная деятельность – 21,8 %; создание горячих линий для граждан на региональном и местном уровнях – 28,9 %; увеличение количества проверок правоохранительных органов – 32,8 %; журналистские расследования в СМИ – 33,8 %; совершенствование законов и правоприменительных мер – 36,0 %; затруднились ответить 6,5 %. Эффективнее всего бороться с коррупцией следует, по мнению респондентов, силовыми способами и путем ужесточения уголовного наказания. С таким решением проблемы, по результатам опроса 2018 г., полностью согласны 64,0 %; скорее согласны 19,9 %; скорее не согласны 7,0 %; совсем не согласны 6,1 %; затруднились ответить 3,0 %.

Возможно ли создание в отечественной компании/организации/учреждении антикоррупционного климата в нынешних российских условиях? Вот как считают опрошенные: «безусловно да» – 22,9 %; «скорее да, но существуют барьеры» – 30,3 %; «скорее нет, так как внешние проблемы превалируют» – 17,3 %; «определенно нет» – 9,5 %; затруднились ответить 19,1 %.

И наконец, приведем некоторые общие выводы о проблеме коррупции, полученные в ходе исследования 2018 г.

Коррупция – это прежде всего социальная и нравственная проблема, надо формировать антикоррупционное сознание и воспитывать соответствующее поведение людей. С такой постановкой вопроса полностью согласны 66,3 % респондентов; скорее согласны 21,2 %; скорее не согласны 5,3 %; совсем не согласны 3,8 %; затруднились ответить 3,5 %.

Но самый существенный вывод звучит следующим образом: *пока в стране есть бедность и высокое социальное неравенство, победить коррупцию не удастся*. С этим полностью согласны 49,7 % опрошенных; скорее согласны 23,9 %; скорее не согласны 11,0 %; совсем не согласны 9,0 %; затруднились ответить 6,4 %.

Таким образом, согласно материалам проведенных исследований, в общественном сознании бытуют представления о том, что в распространении коррупции по большей части виноваты госслужащие. Также представлено мнение о коррумпированности прежде всего крупного бизнеса, представители которого не меньше чиновников виноваты в существующем положении вещей. В значительной степени именно серые схемы ведения бизнеса с откатами за определенные преференции на рынке ведут к росту цен на разные категории товаров и снижению конкуренции.

С точки зрения системно-социологического анализа, уместно говорить о формационных, сферальных и структурных предпосылках и факторах живучести и воспроизводства коррупции в России, без снятия которых не может быть и речи о ее *искоренении* и формировании релевантного антикоррупционного климата. При этом стоит специально подчеркнуть, что удельный вес их влияния на воспроизводство коррупции весьма высок и имеет доминирующий характер.

Относительно формационных предпосылок коррупции убедительным является мнение академика Г. В. Осипова и солидаризирующегося с ним Г. А. Зюганова, согласно кото-

рому главенствующую роль в этом сыграла российская модель криминально-олигархического капитализма периферийного типа, которую никто не заказывал младореформаторам во главе с Е. Т. Гайдаром и А. Б. Чубайсом [29]. Она была «выращена» ими в «лихие 1990-е гг.», превратилась в питательную среду для разрастания криминалитета и коррупции («низовой» и «верхушечной, или беловоротничковой») и досталась по наследству новому руководству страны, ведущему с ней уже ряд лет системную борьбу. В этой борьбе нет «неприкасаемых», и неотвратимая расплата за преступления настигает даже высшее чиновничество (А. Улюкаев и др.).

Среди сферальных детерминантов ключевую роль в развертывании коррупции в постсоветской России сыграли социально-экономические, политические и социально-правовые предпосылки. Речь идет в первую очередь об экспортно-сырьевой модели квазирыночной экономики, основанной на частнокапиталистическом укладе, не имеющей ничего общего с многосекторным социальным рыночным хозяйством, а также о маргинальной социальной структуре общества, которая в 1990-е гг. приобрела классово-антагонистический характер. Как известно, в социальной структуре современной России все еще разрыв между бедными и богатыми по основным стратификационным критериям намного превосходит пороговые показатели. Простые граждане это тоже осознают и понимают, что инфляция, разрыв в доходах так или иначе связаны с коррумпированностью системы.

Что же касается политических и правовых детерминантов воспроизводства коррупции, то в данном случае речь может идти не столько о сугубо политической или правовой сфере, сколько о политико-правовой надстройке, в которой осуществляется известная системная интеграция политической системы с правовой сферой, но при этом не утрачивается их статус относительно самостоятельных подсистем общества. В политико-правовую сферу входят некоторые социальные субъекты (депутатский корпус, первые лица государства, регионов и муниципальных администраций) и институты (федеральный парламент, институт главы государства, местные советы и администрации), непосредственно включенные в функциональную деятельность не только правовой сферы, но и политической системы. В особенности это касается таких социальных субъектов политики и права, как депутаты всех уровней. Как известно, парламент страны (Государственная дума) является не только институтом законотворчества, но и политической площадкой представительства интересов разных групп населения, делегирующих в этот институт своих представителей в лице избираемых депутатов для нормотворческого обеспечения разнообразных интересов и устремлений этих групп. При этом социальные субъекты и институты нормотворчества (федеральный парламент и депутатский корпус, президент России и в целом институт главы государства, большинство региональных законодательных собраний и др.) в целом справляются со своими функциональными обязанностями по изданию и введению в действие все новых нормативных правовых актов по законодательному сопровождению противодействия коррупции. Но деятельность механизма правового регулирования в лице отдельных судебных инстанций (например, районных и мировых судов), правоохранительных органов, прокуратуры и некоторых других институтов правоприменения оставляет желать лучшего, из-за чего эффективность борьбы с коррупцией все еще не очень высока. Поэтому не будет преувеличением говорить, что главным образом данное обстоятельство препятствует эффективной функциональной деятельности политико-правовой сферы российского общества по вопросам противодействия коррупции и формирования релевантного антикоррупционного климата.

В ряду собственно структурных предпосылок, способствующих живучести и воспроизводству коррупции и затрудняющих эффективную борьбу с ней, стоит назвать политические факторы, среди которых наряду с избыточным вмешательством власти в бизнес-среду и чиновничьим покровительством в отношении олигархов свою противоречивую роль сыграла так называемая «политическая разморозка», произошедшая в 2011–2012 гг. Как известно, она сопровождалась вполне определенной дезорганизацией функциональной деятельности государства и эскалацией массовых протестных выступлений в декабре 2011 г. и в первой половине 2012 г. в рамках известной «Болотной стихии», грозившей из-за жажды перемен обернуться масштабной дестабилизацией, усилением аномийности всего российского общества и даже разрушением самого государства. Ситуация уже начала было выходить из-под контроля власти весной 2012 г., справиться с которой смог только В. В. Путин после его возвращения на должность главы государства в мае того же года.

Наконец, к другим структурным предпосылкам воспроизводства коррупции, препятствующим проведению системной антикоррупционной политики и формированию оптимального антикоррупционного климата, относятся институциональные, процессуальные и иные составляющие, среди которых стоит упомянуть сложившиеся в 1990-е гг. в условиях «гайдаршокоterapiи» и широкой приватизации влиятельные бизнес-группировки, патрон-клиентские отношения между бизнесом и властью, одиозные клановые структуры власти на местах (например, в кавказском регионе), обусловившие низкий уровень самоорганизации институтов гражданского общества, деградацию судебной системы и правоохранительных органов, сращение последних с бизнесом и оргпреступностью и многие другие негативные последствия.

Стоит также отметить, что двойственную роль сыграла сформированная в условиях авторитарного отката в нулевые годы известная «вертикаль исполнительной власти». С одной стороны, она, несомненно, внесла весомый вклад в восстановление управляемости страной, обуздание «парада суверенитетов» и регионального сепаратизма, нейтрализацию незаконных вооруженных формирований на территории Чечни и др. Но вместе с тем негативной «изнанкой» утверждения этой вертикали стало формирование особой социальной касты «встроенных» в нее «неприкасаемых» чиновников и других функционеров, включая их детей и других родственников, сращение в некоторых регионах и на местах (например, в Дагестане) власти, бизнеса и криминала и др. В этих условиях заметно выросла так называемая «верхушечная, или беловоротничковая» коррупция, о которой в последнее время особенно активно заговорили лидеры внесистемной оппозиции.

На основе обобщения изложенного правомерно сделать вывод о том, что без обеспечения системности антикоррупционной политики, которая выступает ключевым направлением функциональной деятельности социальных субъектов и институтов государственной и муниципальной власти по предупреждению, противодействию, искоренению коррупции на всех уровнях властной иерархии и во всех сферах общества, включая бизнес, а также формированию антикоррупционного климата, антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, вряд ли можно ограничить условия и факторы воспроизводства коррупции и надеяться на эффективное противодействие этому антисоциальному явлению. С социологической точки зрения, к основным элементам системного содержания такой политики относится следующий необходимый и достаточный набор

компонентов. Это социальные субъекты и институты, должностные лица и органы государственной и муниципальной власти, процессуально-нормативные компоненты, включая их юридически значимую деятельность в рамках механизма правового регулирования на определенной нормативно-правовой основе (антикоррупционное законодательство), а также «дерево целей», принципы, методы и технологии политико-правового воздействия на совокупность самых коррупциогенных сегментов общества, включая ресурсные (инфраструктурные) компоненты такого воздействия. Неменьшего внимания заслуживают остальные компоненты системы антикоррупционной политики.

С учетом сказанного среди разнообразных компонентов системы антикоррупционной политики особую роль играют социальные субъекты и институты государственной и муниципальной власти, непосредственно входящие в механизм правового регулирования. К ним относятся такие социально-профессиональные группы, как сотрудники правоохранительных органов, судьи всех инстанций, судебные приставы и исполнители и др. Они на законном основании наделены полномочиями государственной и муниципальной власти, а также обладают необходимой квалификацией, опытом, навыками, ресурсами и средствами для проведения такой политики при помощи государственных и муниципальных институтов. Причем если социальные субъекты (социально-профессиональные группы и должностные лица) системы антикоррупционной политики меняются, подвержены ротации и другим изменениям, то институты выступают неизменным и стабильным фундаментом обеспечения непрерывного политико-правового воздействия на совокупность самых коррупциогенных сегментов общества и достижения поставленных целей.

В этом отношении в современной России к сугубо институциональным факторам противодействия коррупции и формирования антикоррупционного климата правомерно относить не столько всю функциональную деятельность механизма правового регулирования, который кроме этого занимается решением еще многих задач актуальной правоприменительной практики, сколько профильную деятельность разнообразных социальных субъектов и должностных лиц в государственно-муниципальных институтах и гражданско-правовых организациях, направленную на непосредственное предупреждение, противодействие, искоренение коррупции на всех уровнях властной иерархии и во всех сферах общества, включая бизнес, а также формирование релевантного антикоррупционного климата, антикоррупционного поведения государственных и муниципальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов поведения и развитие общественного правосознания и правовой культуры.

К числу институтов политико-правовой сферы общества, функциональная деятельность которых также непосредственно связана с формированием антикоррупционного климата, относятся федеральный парламент, институт главы государства, федеральное правительство и региональные администрации, местные советы и администрации. Они исполняют общее дело совместно с институтами сугубо правовой подсистемы, входящими в механизм правового регулирования, в лице судебных инстанций всех уровней, правоохранительных органов, органов юстиции и пенитенциарных учреждений и др. Также стоит упомянуть относительно автономно функционирующие гражданско-правовые институты адвокатуры, нотариата, профсоюзов, Общественной палаты России, правозащитных организаций и др. Именно их деятельность вносит осязаемый вклад в предупреждение,

противодействие и искоренение коррупции на всех уровнях властной иерархии и во всех сферах общества, включая бизнес, а также в формировании релевантного антикоррупционного климата в современной России.

Правда, отечественный и мировой опыт показывает, что даже совершенная структура антикоррупционной политики и, в особенности, оптимальные функциональные характеристики входящих в нее политико-правовых институтов не гарантируют ее эффективности, если в ней заняты непрофессиональные и коррумпированные представители социальных субъектов механизма правового регулирования. Иначе говоря, и здесь человеческий фактор в лице одиозных «оборотней в погонах», наподобие бывшего полковника МВД Д. Захарченко, оказывают самое негативное воздействие на результативность антикоррупционной политики. В этом отношении одним из ключевых условий обеспечения эффективности антикоррупционной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях является строгое выполнение социальными субъектами права и должностными лицами действующих нормативных правовых актов (Конституции, кодексов, федеральных законов, региональных законов и муниципальных правовых актов). Последнее предполагает осуществление социальными субъектами и институтами федеральной, региональной и муниципальной власти такой правоприменительной практики, которая включала бы в себя неукоснительное исполнение ключевых статей Конституции страны, основных кодексов и законов, других нормативных правовых актов по вопросам антикоррупционной политики. Решающее значение при этом имеет не столько качество самих законодательных установлений и других нормативных правовых актов, в целом соответствующее международным стандартам, сколько их *надлежащее исполнение должностными лицами и органами федеральной, региональной и муниципальной власти. В особой мере это касается деятельности сотрудников правоохранительных органов, среди которых еще довольно таки распространен так называемый правовой нигилизм.* Не удивительно поэтому, что из-за этого и доверие к ним оставляет желать лучшего.

В современной России стоит создавать и совершенствовать оптимальный антикоррупционный климат при активном использовании как советского, так и зарубежного опыта. Особого внимания, изучения и переноса на нашу почву заслуживает зарубежный, особенно китайский, опыт, который связан не только с практикой успешного искоренения коррупции правительством Сингапура под руководством премьер-министра ЛИ Кванью, но и с современной антикоррупционной политикой руководства КНР во главе с Председателем СИ Дзинпином, действующим по принципу «бить не только по мухам и тиграм, но и по лисам». Кроме того, в КНР в противодействии коррупции наработано немало новаций, не существующих в нашей стране. Речь идет не столько о полном понимании руководством страны, что преодоление коррупции – это вопрос жизни и смерти государства и политической элиты, но и о пропаганде скромности и умеренности образа жизни партийно-государственных руководителей. В КНР созданы и действуют комитеты партийного контроля для членов КПК и гражданского контроля для бизнеса и других сфер, которые имеют право проводить расследования и возбуждать уголовные дела против взяточников в парторганах и в гражданском обществе. В Китае добились высокого уровня неподкупности сотрудников правоохранительных органов, наделили их самыми широкими полномочиями в преследовании коррупционеров, невзирая на лица, чтобы не могло быть и речи о

«неприкасаемых». Также в КНР гораздо активнее в борьбе с коррупцией участвует гражданское общество, внушающее взяточникам простую мысль о том, что обогащаться с помощью коррупции бесполезно, поскольку тратить эти средства становится все труднее, и рано или поздно взяточников «забирают и закрывают». Только за последние 6 лет под следствием оказались 1 300 000 человек, из которых 76 – высшие министры [30]. Помимо китайского опыта стоит учесть особенности противодействия коррупции и антикоррупционного климата в некоторых постсоветских республиках.

В нашей стране активно противодействуют коррупции институты правосудия, прокуратуры, правоохранительных органов [31, 32]. Но явно недостаточным остается участие гражданско-правовых организаций как в борьбе с этим опасным явлением, так и в создании релевантного антикоррупционного климата. Разумеется, свой посильный вклад в это дело помимо государственных и муниципальных институтов вносят Общественный антикоррупционный комитет, зарегистрированный Минюстом Российской Федерации 28 мая 2004 г. Им разработаны законопроекты, позволяющие установить правовые процедуры общественного контроля над деятельностью власти. Определенный вклад в противодействие коррупции вносит Центр стратегических разработок, который создал и осуществил проект на тему «Анализ и мониторинг коррупциогенности федерального законодательства и его правоприменения». Интересную методику выявления коррупциогенных нормативных установлений и формирования антикоррупционного климата разработал Региональный общественный фонд «Информация для демократии» (Фонд ИНДЕМ). Существенную роль в разработке проблематики противодействия коррупции в России играет Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия» и др. Но этого мало. Например, на Украине в последние годы только на государственном уровне созданы и действуют Национальное Антикоррупционное Бюро Украины (НАБУ); Специализированная антикоррупционная прокуратура (САП); Национальное агентство по предупреждению коррупции (НАПК); Единый государственный реестр деклараций; Антикоррупционный суд и др. О создании аналогичных институций и в России немало говорят эксперты. Но до практических мер в этом направлении дело пока не дошло.

Поэтому и в нашей стране в порядке институционального сопровождения мер по созданию релевантного антикоррупционного климата важно создавать аналогичные госучреждения и стимулировать гражданское общество на борьбу с коррупцией.

Заключение. В порядке обобщения результатов проведенного исследования правомерно резюмировать, что в современной России будут сокращаться коррупция и формироваться релевантный антикоррупционный климат не только в том случае, если в стране будет укрепляться правовая сфера общества, а ее институты усилят борьбу с коррупцией в рамках системной антикоррупционной политики. Приоритетное значение в реализации институциональных факторов создания антикоррупционного климата в политико-правовой сфере имеют также разработка и проведение активной правоприменительной практики, наступательная деятельность разнообразных социальных субъектов, государственно-муниципальных институтов и гражданско-правовых организаций, направленная на создание комфортного и конструктивного настроя на непосредственное предупреждение, противодействие, искоренение коррупции на всех уровнях властной иерархии и во всех сферах общества, включая бизнес, а также формирование антикоррупционного поведения государственных и муници-

пальных служащих, популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов поведения простых граждан и развитие общественного правосознания и правовой культуры.

Но вместе с тем для достижения осязаемых результатов в формировании антикоррупционного климата необходимо выбивать из-под коррупции формационную почву и социально-экономические предпосылки. Поэтому так важно вместо экспортно-сырьевой модели квазирыночной экономики ускоренными темпами формировать национальную модель конкурентоспособной, инновационной и социально ориентированной экономики – социального рыночного хозяйства, «выращивать» многочисленный средний класс, завершать формирование по-настоящему демократического социально-правового государства, укреплять духовные и нравственные устои общества. Другими словами, искоренение коррупции в России как основательно укоренившегося «нажитка» (деструктивного приобретения) 1990-х гг. в нашем обществе возможно в случае, если власть и гражданское общество единым фронтом выступят не только против ее последствий в рамках системной антикоррупционной политики, но и активно начнут искоренять ее первооснову и главную причину – полученную в наследство из прошлого формационную систему криминально-олигархического капитализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гирко Т. Популизм и коррупция – одного поля ягоды? // Наша Газета. 30.01.2017. URL: <http://nashgazeta.ch/news/politique/populizm-i-korrupciya-odnogo-polya-yagody> (дата обращения: 11.09.2019).
2. Федеральный закон № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. «О противодействии коррупции». URL: <https://genproc.gov.ru/upload/anticor/oon/4.pdf> (дата обращения: 11.09.2019).
3. Указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции в 2018–2020 годы». URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201806300002.pdf> (дата обращения: 11.09.2019).
4. Постановление Правительства РФ от 25 мая 2019 г. № 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации». URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102557236> (дата обращения: 11.09.2019).
5. Информационное агентство «Росбалт». Пресс-конференция «Мировой опыт борьбы с коррупцией и российские реалии». URL: https://www.youtube.com/watch?v=RoCXTaG_DIU&feature=youtu.be Email: spi@polit-info.ru (дата обращения: 11.09.2019).
6. Ernst&Young: коррупция в России падает. URL: http://investfuture.ru/articles/id/ErnstandYoung_korupcia_v_rossii_padaet (дата обращения: 11.09.2019).
7. Антикоррупционная политика, социальное государство и социальная ответственность бизнеса в России и Китае: сб. ст. / под ред. А. В. Петрова, Инь Шаша. СПб.: Астерион, 2018. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35237310> (дата обращения: 11.09.2019).
8. Мартынов М. Ю., Габеркорн А. И. Особенности восприятия россиянами коррупции // СОЦИС. 2017. № 6. С. 79–84.
9. Ма Цзынин. Коррупция в сфере бизнеса в Китае // Антикоррупционная политика, социальное государство и социальная ответственность бизнеса в России и Китае: сб. ст. / под ред. А. В. Петрова, Инь Шаша. СПб.: Астерион, 2018. С. 16–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35237326> (дата обращения: 11.09.2019).
10. Милецкий В. П. Социология права. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2018.
11. Ковтун Е. А. Общие черты и особенности антикоррупционных процессов в России и КНР // Мировая архитектура и российско-китайские отношения: сб. ст. / под ред. Н. Г. Скворцова, А. В. Петрова, Цзи Чжэнцзюя, Сюй Сянмэй. СПб.: Астерион, 2017. С. 111–116. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28996554> (дата обращения: 11.09.2019).

12. Кофанова Е. Н., Петухов В. В. Общественное мнение о коррупции в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2005. № 1 (73). С. 4–16.
13. Царев В. Е., Степанова М. А. Социологические параметры коррупции // Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 110–114.
14. Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыты социологического анализа / под ред. Г. А. Сатарова. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2013.
15. Нисневич Ю. А. Коррупция: инструментальная концептуализация // СОЦИС. 2016. № 5. С. 61–68.
16. Johnston M. Syndromes of corruption: Wealth, Power, and Democracy. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490965>.
17. La Palombara J. Structural and institutional of corruption // Social research. 1994. Vol. 61, no. 2. P. 325–350.
18. Soliman H., Cable S. Sinking under the weight of corruption: Neoliberal reform, political accountability and justice // Current Sociology. 2011. Vol. 59, no. 6. P. 735–753. DOI: [10.1177/0011392111419748](https://doi.org/10.1177/0011392111419748).
19. Teachout Z. The anti-corruption principle // Cornell Law Rev. 2009. Vol. 94, no. 2. P. 341–413.
20. Рогозин Д. Обзор публикаций о коррупции. URL: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/obzor-publikacij-o-korrupcii> (дата обращения: 11.09.2019).
21. Rowher A. Measuring Corruption: A Comparison between the Transparency International's Corruption Perceptions Index and the World Bank's Worldwide Governance Indicators // CESifo DICE Report. 2009. № 7 (3). P. 42–52. URL: <https://www.cesifo-group.de/DocDL/dicereport309-rr2.pdf> (дата обращения: 11.09.2019).
22. Schwickerath A. K., Varrach A., Smith L.-L. (ed.) Interdisciplinary Corruption Research Network: How to research corruption? Conference Proceedings: Interdisciplinary Corruption Research Forum, June 2016, Amsterdam, Netherlands. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-52393-1> (дата обращения: 11.09.2019).
23. Сидоренко Э. Л. Состояние коррупции в России: методика оценки // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4 (59). С. 29–33. DOI: [10.12737/21245](https://doi.org/10.12737/21245).
24. Фещенко П. Н. Функционирование системы антикоррупционного мониторинга: вопросы повышения качества // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 66–71.
25. Квон Д. А. Индекс восприятия коррупции: оценка методологии // Власть. 2015. № 6. С. 72–76.
26. Huntington S. P. Political Order in Changing Societies. New Haven, London: Yale Univ. Press, 1968.
27. Рогозин Д., Шмерлина И. «Фантом коррупции»: аналитическая реконструкция рассматриваемого феномена // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 139–154.
28. Савельев О. Россиян тревожат цены, бедность и коррупция // Левада-центр. 2013. URL: <https://www.levada.ru/2013/03/20/rossiyan-trevozhat-tseny-bednost-i-korrupciya/> (дата обращения: 11.09.2019).
29. Зюганов Г. А. Пора менять политику проваленных обещаний! // Сов. Россия. 9 октября 2018 г. URL: <http://www.sovross.ru/articles/1755/41447> (дата обращения: 11.09.2019).
30. Мухи, тигры и лисы. Как в Китае борются с коррупцией? // Аргументы и факты. 2018. № 40.
31. Портал правовой статистики Генпрокуратуры РФ. URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 11.09.2019).
32. Чайка Ю. Сколько денег Россия потеряла из-за коррупции. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/news-city/294994-dengi> (дата обращения: 11.09.2019).

Информация об авторах.

Мельников Евгений Геннадьевич – кандидат философских наук (1987), доцент (1998), доцент кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 52 научных публикаций. Сфера научных интересов: социальная структура и

стратификация современного общества. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7554-6337>.
E-mail: emiller@rambler.ru

Милецкий Владимир Петрович – доктор политических наук (1998), профессор (2002), профессор кафедры социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; профессор кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 80 научных публикаций. Сфера научных интересов: социология политики и права, теория российской модернизации. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8938-4631>. E-mail: falesm@mail.ru

Савин Сергей Дмитриевич – кандидат социологических наук (2005), заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 65 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая социология, социальная экология. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-4115>. E-mail: ssd_sav@mail.ru

REFERENCES

1. Girko, T. (2017), "Le populisme et la corruption sont de la même nature?", *Nasha Gazeta*. 30.01.2017, available at: <http://nashagazeta.ch/news/politique/populizm-i-korrupciya-odnogo-polyayagody> (дата обращения: 11.09.2019).

2. *Federal law № 273-FZ 25.12.2008 "O protivodeistvii korruptsii"* [On combating corruption], available at: <https://genproc.gov.ru/upload/anticor/oon/4.pdf> (accessed 11.09.2019), RUS.

3. *Decree of the President of the Russian Federation 29.06.2018 № 378 "O Natsional'nom plane protivodeistviya korruptsii v 2018–2020 gody"* [On The national plan for combating corruption in 2018-2020], available at: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201806300002.pdf> (accessed 11.09.2019).

4. *Decree Government of the Russian Federation 25.05.2019 № 662 «Ob utverzhdenii metodiki provedeniya sotsiologicheskikh issledovaniy v tselyakh otsenki urovnya korruptsii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii»* [About the approval of a technique of carrying out sociological researches for the purpose of an assessment of level of corruption in subjects of the Russian Federation], available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102557236> (accessed 11.09.2019).

5. "Rosbalt" news Agency (2018), *Press conference "World experience in fighting corruption and Russian realities"*, available at: https://www.youtube.com/watch?v=RoCXTaG_DIU&feature=youtu.be. Email: cpi@polit-info.ru (accessed 11.09.2019).

6. Ernst&Young (2012), *Corruption in Russia is falling*, available at: http://investfuture.ru/articles/id/ErnstandYoung_korupcia_v_rossii_padaet (дата обращения: 11.09.2019).

7. Petrov, A.V. and Shash, I. (ed.) (2018), *Antikorruptsionnaya politika, sotsial'noe gosudarstvo i sotsial'naya otvetstvennost' biznesa v Rossii i Kitae* [Anti-corruption policy, social state and social responsibility of business in Russia and China], Asterion, SPb, RUS, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35237310> (accessed 11.09.2019).

8. Martynov, M.Yu. and Gaberkorn, A.I. (2017), "Features of mass consciousness perception of corruption in Russia", *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 6, pp. 79–84.

9. Ma Tszynin (2018), "Business corruption in China", *Antikorruptsionnaya politika, sotsial'noe gosudarstvo i sotsial'naya otvetstvennost' biznesa v Rossii i Kitae* [Anti-corruption policy, social state and social responsibility of business in Russia and China], in Petrov, A.V. and Shash, I. (ed.), Asterion, SPb, RUS, pp. 16–20, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35237326> (accessed 11.09.2019).

10. Miletskiy, V.P. (2018), *Sotsiologiya prava* [Sociology of law], Izd-vo SPbGU, SPb, RUS.

11. Kovtun, E.A. (2017), "Common features and features of anti-corruption processes in Russia and China", *Mirovaya arkhitektonika i rossiisko-kitaiskie otnosheniya* [World architectonics and Russian-

Chinese relations], in Skvortsov, N.G., Petrov, A.V., Chzhentszyuya, T. and Syanmei, S. (ed.), Asterion, SPb, RUS, pp. 111–116, available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28996554> (accessed 11.09.2019).

12. Kofanova, E.N. and Petukhov, V.V. (2005), "Public Opinion on Corruption in Russia", *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, no. 1 (73), pp. 4–16.

13. Tsarev, E.V. and Stepanova, M.A. (2015), "Sociological parameters of corruption", *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 2 (30), pp. 110–114.

14. Satarov, G.A. (ed.) (2013), *Rossiiskaya korrupsiya: uroven', struktura, dinamika. Opyty sotsiologicheskogo analiza* [Russian corruption: level, structure, dynamics. The experiences of sociological analysis], Fond «Liberal'naya missiya», Moscow, RUS.

15. Nisnevich, Yu.A. (2016), "Corruption: instrumental conceptualization", *Sociological Studies*, no. 5, pp. 61–68.

16. Johnston, M. (2005), *Syndromes of corruption: Wealth, Power, and Democracy*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK. DOI: <https://doi.org/10.1017/CBO9780511490965>.

17. La Palombara, J. (1994), "Structural and institutional of corruption", *Social research*, vol. 61, no. 2, pp. 325–350.

18. Soliman, H. and Cable, S. (2011), "Sinking under the weight of corruption: Neoliberal reform, political accountability and justice", *Current Sociology*, vol. 59, no. 6, pp. 735–753. DOI: [10.1177/0011392111419748](https://doi.org/10.1177/0011392111419748).

19. Teachout, Z. (2009), "The anti-corruption principle", *Cornell Law Review*, vol. 94, no. 2, pp. 341–413.

20. Rogozin, D. (2012), *Obzor publikatsii o korrupsii* [Review of publications on corruption], available at: <http://www.strana-oz.ru/2012/2/obzor-publikatsiy-o-korrupcii> (accessed 11.09.2019).

21. Rowher, A. (2009), "Measuring Corruption: A Comparison between the Transparency International's Corruption Perceptions Index and the World Bank's Worldwide Governance Indicators", *CESifo DICE Report*, no. 7 (3), pp. 42–52, available at: <https://www.cesifo-group.de/DocDL/dicereport309-rr2.pdf> (accessed 11.09.2019).

22. Schwickerath, A.K., Varraich, A. and Smith, L.-L. (ed.) (2016), "Interdisciplinary Corruption Research Network: How to research corruption?", *Conference Proceedings: Interdisciplinary Corruption Research Forum*, June 2016, Amsterdam, Netherlands, available at: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-52393-1> (accessed 11.09.2019).

23. Sidorenko, E.L. (2016), "Corruption in Russia: Methodology Research", *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, no. 4 (59), pp. 29–33. DOI: [10.12737/21245](https://doi.org/10.12737/21245).

24. Feshchenko, P.N. (2014), "Functioning of Anti-Corruption Monitoring System: Issues of Quality Improving", *Actual Problems of Economics and Law*, no. 1, pp. 66–71.

25. Kwon, D.A. (2015), "Corruption perceptions index: assessment of the methodology", *Vlast'*, no. 6, pp. 72–76.

26. Huntington, S.P. (1968), *Political Order in Changing Societies*, Yale Univ. Press, New Haven, London, UK.

27. Rogozin, D. and Shmerlina, I. (2012), ""Fantom korrupsii": analiticheskaya rekonstruktsiya rassmatrivaemogo fenomena", *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], no. 4–5, pp. 139–154.

28. Savel'ev, O. (2013), *Rossiyan trevozhat tseny, bednost' i korrupsiya* [Russians worry about prices, poverty and corruption], Levada Center, available at: <https://www.levada.ru/2013/03/20/rossiyan-trevozhat-tseny-bednost-i-korrupsiya/> (accessed 11.09.2019).

29. Zyuganov, G.A. (2018), "It's time to change the policy of failed promises!", *Soviet Russia*. October 9, 2018, available at: <http://www.sovross.ru/articles/1755/41447> (accessed 11.09.2019).

30. "Flies, tigers and foxes. How do they fight corruption in China?" (2018), *Argumenty i fakty* [Arguments and Facts], no. 40.

31. Portal pravovoi statistiki Genprokuratury RF (2019), available at: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 11.09.2019).

32. Chaika, Yu. (2017), *Skol'ko deneg Rossiya poteryala iz-za korrupsii* [How much money Russia has lost due to corruption], available at: <http://www.the-village.ru/village/city/news-city/294994-dengi> (accessed 11.09.2019).

Information about the authors.

Evgenii G. Melnikov – Can. Sci. (Philosophy) (1987), Docent (1998), Associate Professor at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 52 scientific publications. Area of expertise: social structure and stratification of modern society. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7554-6337>. E-mail: emiller@rambler.ru

Vladimir P. Miletskiy – Dr. Sci. (Policy) (1998), Professor (2002), Professor at the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg, 199034, Russia; Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 80 scientific publications. Area of expertise: sociology of politics and law, theory of Russian modernization. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8938-4631>. E-mail: falesm@mail.ru

Sergey D. Savin – Can. Sci. (Sociology) (2005), Head of the Department of Sociology of Political and Social Processes, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg, 199034, Russia. The author of 65 scientific publications. Area of expertise: political sociology, social ecology. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1030-4115>. E-mail: ssd_sav@mail.ru